

Граффити

Вдумчиво жили прежде. Не сгоряча.
Без истеричных всхлипов и нервной дрожи.
Ладили стены из красного кирпича
крепче обета, проклятья и первача
так, что сносить их потомку себе дороже.

Остов ещё вздымается, как ни стар,
над чередою дней человечьих, куцых.
Корни пустил фундамент. Ветвями стал
рухнувший свод.
Утопает руина в кущах,
рвущих её, как медленный динамит,
аж все бурьяны рядом – в кирпичных клочьях.

Сбрендил сентябрь.
Неуемной жарой томит,
золотом беден и листьев ронять не хочет.
– Дайте мне дней, – умоляет он.

Бог подаст.
Ветер мольбой играет в полях широких.
Канем безмолвно в осень. Не молодясь,
просто не замечая урочных сроков,
как эти стены, которым что штиль, что вихрь,
лишь бы восстать над гнилью
и тьмой в подвале.

Зря ли развалины для миражей своих
юные граффитисты облюбовали...

Руны руин.
Шрифт изломан, как пьяный жест,
скомкан, как круг, кованый из квадрата.
Что вы, ребята, курите? Что за жесть
крыла вам крыши, съехавшие куда-то —
или взлетевшие? — юность всегда крылата.

Вам только критика и не хватало здесь.
Вот он является, зол, умудрён и сед.
Вот озирает фронт, на обломок сев,
тихо потеет ядом и копит желчь.
Видно, надумал травить, сокрушать и жечь.
Вот как сейчас резанет он, острей серпа...

Но всё молчит, потому что глядит в себя.
Видит угрюмый остов, кругом лежит
ясная осень. И в пику столь ветхим темам —
странную, яркую, следующую жизнь,
свежею кровью стекающую по стенам.

* * *

Все покрывает время как трава.
Над ней листвою шелестят слова
молитвы, либо лепет просторечья.
И только с ними я бреду к Вратам.
А жизнь твоя продлится где-то там,
куда моей уже не простереться.

Но грани нет меж быть или не быть —
вино допито и бокал разбит,
однако опьянение остается.
Пусть смолкли струны и бледнеет ночь,
в сон упадая, не перечеркнешь
слова однажды сказанного тоста.

Когда простишет лет истлевших зной,
две осени останутся со мной.
Но нечего подсчитывать — мы квиты.
Прощай теперь. Спасибо, что была —
как миг полета тонкого стекла
в падении на каменные плиты.

Метро Горьковская

То нахрапом растопят весь снег,
то опять холодают —
дни в невнятной и хлипкой весне
ни за грош пропадают.

Мир тревожен, он сам как апрель,
не уверен и зыбок.
Окунешься в него – и побрел
среди слез и улыбок.
Лезут голуби под ноги –
Кыш! –
и, помешав оплошно,
воспаряют наследники крыши,
хлопча заполошно.
А над крышами тучи пасет
серафимов капелла.
И как рухнет, как хлынет с высот
все, что в них накипело.
Сложиши зонт –
и ныряешь туда,
где ни тучи, ни неба,
ни дождинки.
Где дело труба –
и ни вправо, ни влево.
Где расписаны в духе Миро
голубые плафоны.
Где подземное море метро
бьется в берег платформы.
Уплывай, убывая навек,
вот швартуется судно –
и когда-нибудь выйдешь наверх
к жизни, памятной смутно.

Переходящий

В общем, ему все равно, какая погода.
В небо не смотрит, из дома выходя.
Он от природы – человек перехода,
а не дождя.

Впрочем, основа та же.
Под землю с воли
по траекториям праха, персти, пыльцы
те же нисходят –
клерки, торговцы, воры
и певцы.

Дедушка Дарвин хмурится –
но простит,
что в обезьяных путаясь генокодах,
мы тяготеем к роду подземных птиц
с ветки на ветку скачущих
в переходах.

С умыслом выжить, страху наперекор,
бродит, пузырясь, мутирующая масса,
дрямент по ходу –

но скоро на переход,
на кольцевую или одну из хорд
круг эволюции режущих, точно масло.

– Да, дорогая. Нет, не там и не здесь.
Я где-то между –
до самой старости с детства.
То есть, я в переходе, но сеть здесь есть,
как и везде теперь. Никуда не деться.

Он переходит –
с мата на инглиш, с винды на мак.
С чипом в крови, он больше не платит налогом.
Он бета-версия. В линзах безглазый мрак.
И капюшон аутиста натянут на лоб.
Он персонаж, прокачанный для броска
с борта на борт очередного судна.
Цель есть движение –
правит канон абсурда.

А по конечной накатывает тоска –
это пустое, дорога к ней не близка
по переходам – куда-то туда отсюда.

Бедняги

Есть бедняги, которых пленяет демон.
Он сгоняет к ним чертовы тучи денег,
наливает им в плошки со дна – погуще
и поет, что теперь они всемогущи.

У владык всегда свои заморочки.
Опасаюсь о них говорить грубо,
но на весь общак Бильдербергского клуба
не купить мелодии или строчки.
Продаются только одни подделки,
да жратва, да хлам, да срамные девки.

Все торгаются, пряча в кармане кукиш:
настоящего, мол, все равно не купишь,
потому что ему не цена – деньги.

Всякий большого хочет, лучшего ищет,
непременно иметь полагая целью.
И обидно имущим, что некто нищий
здесь решает, что дешево, что бесценно.

Он умрет голодным. Уйдет под опись
скудный скарб –
предмет вожделенья сытых,
чтобы те выставляли его на Сотбис,
раз исправить уже ничего не в силах.

Прохладные Песенки

1

Покажет нам зима
из серебра клыки,
пока же, как зола,
горяч осадок летний.
И яхты сентября,
востря свои клинки,
срезают слой тепла
над волнами – последний.
Изящен, как балет,
резной листвы полет –
последний. И вслед,
закат, пока не бледный,
искрится и плывет,
как музыка плывет,
а с ним – речной трамвай
любви безбилетной.

Проплыл – и был таков.
И машут с берегов
ещё вдогон ему
блестательные кроны.
А даль уже в дыму
вечернем – и во тьму
вот-вот совсем уйдут
тускнеющие клены.
Но не печалься зря,
очертят круг ветра,
и яхты сентября
их повстречают снова.
Поэтому и мы
не убоимся тьмы,
«прощай» не говоря –
бессмысленное слово.

2

Лето плакало? Да плюнь –
жалъ, но не настолько.
Плюмбум капель плюм да плюм
в дрогнувшие стёкла.
Рухни ниц, сочи овец,
падая при этом
в сон, похожий на свинец
плотностью и цветом.
Где-то очень далеко
тяжко ухнет ветер
А кому сейчас легко? –
туши туч ответят.

Я и сам к земле прибит
мокрою порошкой,
приземленным сном про быт,
вязкий, нехороший,
нудный, как дебилов чат
да смартфонов трели.
В нем копыта не стучат
и не свищут стрелы.
Ни погони по пятам
в нем, ни черной метки.
Белый кит и капитан
в нем не ищут мести.

В эти бредни до утра
звать подругу глупо.
Улетай, ланфрен-ланфра,
прочь моя голубка.
А едва придет весна —
в новый сон под ливень
возвратишься будить меня
юным и счастливым.

3

Обратись к зиме — к её убору,
пафосному, пышному как торт.
Пир земли накрыт не пред тобою.
Но и ты пред ним не распростёрт.

Ты не сдал на Цезаря. Но надо
сохранить души морозный блеск
в белых колоннадах снегопада,
вертикально павшего с небес.

Стужа прилетит, как вихрь крылата,
упаду и голову склоню:
так тростинка мыслила когда-то.
Но застыла, стоя на корню.

Так и должно — холодно и стойко.
Пообочь зализанной лыжни.
Краски меркнут. Остается только
Тонкий штрих на фоне белизны.

Меж страниц с гербарием закладок,
в четких строчках — сквозь отвесный снег,
в белых колоннадах, колоннадах
городов, которых больше нет.